

ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЯЗЫКА КАК ИДЕАЛЬНОГО СРЕДСТВА ПОЗНАНИЯ

Наталья Ириковна Береснева

профессор кафедры философии

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. beresnevv@mail.ru

Светлана Леонидовна Мишланова

профессор кафедры лингводидактики

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы создания искусственных семиотических систем – универсальных языков – для обслуживания сферы научного познания мира. Изучается эволюция философских (Бэкон, Декарт, Лейбниц, Фреге, Рассел, Витгенштейн, философы венского кружка) и лингвистических концепций исследования проблем природы и функциональных особенностей научной терминологии. Основные задачи современной терминологии решены в парадигме постмодернизма на основании таких понятий, как неопределенность, сложность и творческий потенциал.

Ключевые слова: язык; сознание; научное познание; «универсальный» язык; язык науки; термин.

Поскольку наиболее важные знания о мире и о себе человек получает на основе дискурсивного мышления, роль языка как важнейшего средства познания, способность языкового мышления отображать действительную объективную и субъективную реальность является одной из ключевых проблем теории познания.

Начавшаяся в конце XIX в. научно-техническая революция, переход развитых стран в стадию так называемого постиндустриального общества, становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает влияние на все стороны жизни общества, с новой силой поставили вопрос об активной роли языка, его отношении к усложняющейся, «непрерывно исчезающей», по Э.Тоффлеру, реальности, которую должна отображать современная наука.

Возникновение квантовой механики и теории относительности, релятивистской космологии, квантовой химии, синтетической теории эволюции, молекулярной генетики, раскрытие кода наследственности и расшифровка человеческого генома, появление теории информации, кибернетики и синергетики, новых разделов математики (в особенности проективной геометрии и топологии), прогресс компьютерной техники и информационных технологий, обусловленный переходом к постиндустриальному обществу, в весьма существенной мере обусловлены разви-

тием естественного и искусственного языков. Это обстоятельство с новой силой ставит проблему отношения языка к реальности, активной роли языка в дискурсивном мышлении, в познании.

Впервые «в полный рост» проблема роли языка в науке, проблема «совершенного» языка, лишённого двусмысленности и противостояния планов выражения и содержания, который мог бы расширить сферу человеческого познания и избежать непонимания в споре, проблема поиска точных и недвусмысленных имен для явлений (терминов), поднимается в XVII-XVIII вв.

Прогресс в математике, развитие естествознания, мощное воздействие ценностей новой индустриальной цивилизации (капиталистической формации), приходящей на смену Средневековью, повлияли на складывание реалистической интеллектуальной парадигмы. Впервые предметом познания становится сам процесс познания. Именно попытка исследовать возможности человеческого познания имела серьёзные последствия для анализа языка. Критический разум «пионеров новой науки» быстро распознал несовершенство естественных языков, явившихся результатом неконтролируемого и случайного развития. Был сделан вывод о необходимости построения логически выверенного языка, который мог бы послужить для непротиворечивой и одно-

значной записи научных истин. И начинают предприниматься попытки конструирования идеального «философского» языка, искусственного языка, с помощью которого можно было бы чётко, ясно, однозначно излагать научные истины.

Авторы подобных проектов исходили из нескольких постулатов. Во-первых, существование множества языков – большое неудобство, которое необходимо преодолеть. Во-вторых, естественный язык способен создавать помехи в познании мира, поскольку он нестрог, расплывчат. В-третьих, каждой вещи от природы соответствует правильное имя, отражающее ее сущность (вспомним теорию именования «от природы», существующую с античности). Иногда поиски всемирного языка тесно были связаны с поисками единой связующей мировой гармонии, которые часто принимали мистический характер или были связаны с попытками переустройства общества на утопических основах.

Одной из знаковых фигур этого периода является Р.Декарт, автор дедуктивного метода и методического сомнения, используемых для поиска бесспорных оснований своей дедуктивной системы. Известным «*я мыслю, cogito*» Декарт обезличивает остальной внешний мир, делает его механическим, неограниченным вширь и беспредельным вглубь. Это стало причиной появления двух исследовательских программ (подходов) в философии языка: языка для описания духа и языка для описания мира – точного, ясного, однозначного – словом, идеального, – который «помогал бы разуму, представляя ему все предметы в таком отчетливом виде, что ему было бы почти невозможно ошибаться» [Степанов 1985: 94].

Под влиянием гуманистического мировоззрения эпохи Возрождения, проникнутого верой в человека и его разум, причины языкового строя он начинает искать не в окружающей человека действительности, а в его внутреннем мире, прежде всего в разуме. Противопоставление неделимой мыслящей субстанции протяжённой и неделимой телесной субстанции, закреплённое Декартом, утверждение примата мыслящей субстанции над телесной «приводят к смене онтологического обоснования языковой категоризации логическим» [Зубкова 2003: 15].

Идея Декарта о совершенном языке как «помощнике» в познании мира стала развитием идей Ф.Бэкона о помехах, мешающих выражению результатов «правильного» мышления (Бэкон в трактате «О достоинстве и приумножении наук» писал о двух грамматиках: одна – литературная – предназначена для изучения существующих языков, другая – философская – для создания языка

универсального; наряду с «идолами пещеры», «идолами театра» и «идолами рода», он вводит «идолов рынка» – смешение знаков и обозначаемых вещей, которые проистекают из взаимной связанности и сообщества людей, порождаются их общением и проникают в разум [Бэкон 1977: 319-320]).

По мнению Декарта, рациональный язык – это знаки, которые ясно и недвусмысленно выражают простые идеи, одинаково представленные в сознании всех людей, и правила комбинирования этих знаков. Но изобретение такого языка – дело хотя и важное, но вторичное, зависящее от истинной философии, без которой подобное предприятие невыполнимо. Такая философия должна дать полное понимание источника и механизма образования идей, поскольку, неверно понимая природу отношения между словами и представлениями, с одной стороны, и представлениями и вещами, с другой, можно вместо подлинного «рационального языка» получить язык, делающий мышление невозможным. А поскольку создание такой истинной философии оказалось проблемным, то реализация проекта «рационального языка» откладывалась на неопределённое время.

Но идея «рационального языка» оказалась востребованной Г.Лейбницем. Подобно Декарту он мечтал об идеальном языке с точными правилами определения и преобразования, с помощью которого можно было бы сформулировать точную систему основ всего человеческого знания и который позволил бы разрешить все философские проблемы [Лейбниц 1936].

Согласно принципу предустановленной гармонии, Бог позаботился о том, чтобы человеческое знание в принципе соответствовало реальности. Но в действительности человек не реализует этой возможности. Одна из причин этой ситуации – несовершенство человеческого языка. Исходные положения о мире (посылки) необходимо схватить умом, а для этого необходимо сформулировать их с помощью языка. Далее, при выведении следствий из посылок, в содержание рассуждений не должна вкрасться никакая неточность, неясность. Но такие неточности и неясности встречаются сплошь и рядом, и виной тому – язык, поскольку слова неточны, многозначны. Небольшие неточности могут накапливаться и приводить к большим ошибкам, такое наслаивание одного заблуждения на другое может продолжаться веками.

Итак, нужно найти подходящее средство для выражения понятий – разработать строгую систему символов, в которой каждый символ совершенно ясно отличим от другого и обозначает только одно понятие. При этом каждое действие

с символами должно строго соответствовать опеределённой операции с понятиями.

Для создания символического языка, с помощью которого можно было бы эффективно кодировать и декодировать познавательную информацию, Лейбниц искал понятия, которые «являются “первокирпичиками” всей нашей мыслительной системы и составляют своего рода “алфавит” понятий» [Жоль 1984: 110]. В отличие от естественного языка, в языке для науки и философии Лейбница предлагается использовать специальные символы. Система символов для универсального языка Лейбница – это система чисел. Операции над понятиями, по его мысли, сводятся к арифметическим действиям, рассуждения сводятся к вычислениям [см. Левицкий 2002]. Итогом разработки универсального языка была бы теория познания как теория соединения знаков-понятий («*ars combinatoria*»).

Если первоначально идея философского универсального языка имела скорее умозрительный характер (Бекон, Декарт и прочие философы больше были заняты выявлением принципов построения философского языка, а не практическим его созданием), то исследования Лейбница перевели картезианскую концепцию «рационального языка» из сферы сугубо умозрительного теоретизирования в новое качество – практически осуществимой программы – и легли в основу языков современной математической логики. Но те формальные языки, которые разрабатываются сегодня, имеют очень узкую сферу применения. Проект же Лейбница предполагал безграничные возможности использования такого языка.

Тремя столетиями позднее идеи Лейбница были востребованы философами аналитической школы, которая в своих теоретических построениях также была нетерпима к проявлениям «текучности», разрозненности, смысловой неопределённости языка. Стремление к организованности, упорядоченности, к безличной объективности стало одним из главных мотивов «исправления» недостатков естественного языка, который должен быть приведён в соответствие с представлениями аналитиков о строгой фиксированности, устойчивости фактов. Этот пафос во многом объясняет логику мысли и абстракции главных теоретиков этого философского направления.

Борьба с «грубыми» формами субъективизма ведётся начиная с Г.Фреге. Это обернулось построением тонких логико-семантических конструкций, основанных на эмпиризме и кантианстве.

Фреге, выявив четыре плоскости знакового отношения («знак – значение – смысл – представление»), как антипсихологист, исключает

«представление», а «смысл» представляет не столько как субъективное, сколько как интерсубъективное образование – понятное многим. Но делает это он из благих побуждений, для того чтобы показать «объективность» мысли [Фреге 1987]. Исключение субъективных представлений – промежуточной стадии между знаком и обозначаемым – облегчает рассмотрение отображения.

Фреге считал, что различение смысла и значения (денотата) позволяет устранить языковые трудности, связанные с наличием нескольких знаков для обозначения одного и того же объекта («Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» имеют одно значение – объект «Венера» – и разные смыслы). Однако и эта трехплоскостная структура (треугольник Фреге) в дальнейшем породила много трудностей.

После Фреге Б. Рассел, обратившись к семантической проблематике в теории дескрипций, отказался от трехплоскостной структуры, показав на примерах те трудности, которые связаны с ней. Он исключает «смысл», оставив только две плоскости знакового отношения – «знак» и «значение (денотат)». То же делает и Л. Витгенштейн, который «редуцировал содержание сознания к вербализованному интеллекту, полагая, что от индивидуально-психологических аспектов можно без особого ущерба отвлечься» [Козлова 1989]. Таким образом, в борьбе с психологизмом исключается субъективная сторона языкового знака, субъективная реальность. В результате между знаком и тем, что он обозначает, не остается ни субъективных представлений, в том числе и понятий, ни объективного значения слова. Принцип экономии соблюден.

Для характеристики концепции, лежащей в основе его анализа, Рассел ввел обозначение «логический атомизм». К наиболее фундаментальным относится его концепция (аристотелевская) истины как соответствия фактам [Кюнн 1999]. Поэтому он строит логическую конструкцию как логику функции истинности. Все сложные предложения можно свести к атомарным. Соответственно, структура мира должна быть такой же, т.е. состоять из атомарных фактов. Причем атомарный факт – это не онтологический атом, а то, что делает предложение истинным.

У раннего Витгенштейна также появляется идея о том, что мир и язык изоморфны, поскольку у них одна и та же логика. Эта логика «пронизывает» объективный и субъективный мир. Как и у Рассела, основной единицей реальности является не вещь, а факт («Мир есть совокупность фактов, а не вещей» [Витгенштейн 1958: 1.1], «Мир распадается на факты» [там же: 1.2]). Сама

природа факта неопределенна, да и безразлична для философа: факты – это все то, что делает предложение истинным [там же: 2.141, 4.06].

Мир предстаёт как конгломерат фактов и выстраивается «снизу вверх»: объекты, ситуации, факты. Язык строится так же: имена, элементарные предложения, предложения. Язык оказывается зеркальным отражением мира, мир – зеркальным отражением языка. Лишённое гибкости, динамики, жёсткое, однозначное представление об отображении вещного мира языком искажает обе стороны отображения. Во всяком случае, язык теряет способность к бесконечному множеству вариаций, ему противостоит распавшийся на бесконечное множество атомарный мир.

Идеи Рассела и, особенно, Витгенштейна периода «Логико-философского трактата» вдохновили Р. Карнапа – активного участника Венского кружка и признанного лидера логических позитивистов. Положение о том, что утверждения традиционной философии лишены познавательного смысла, заявленное в «Трактате» [Витгенштейн 1958: 4.111, 4.112], превратилось у Карнапа и участников Венского кружка в развернутую программу «очищения науки от метафизики»: «Философия – такая деятельность, которая позволяет обнаруживать или определять значение предложений» [Шлик 1993: 31]. То есть философия, в отличие от эмпирических наук, не имеет дела с объектами. Все объектные вопросы относятся к сфере частных наук.

Карнап, как логик науки, разделяя объектные предложения ('роза есть красная') от псевдообъектных ('роза есть вещь'), предлагает правила логического перевода последних в объектные (слово 'роза' есть вещное слово). Он же выделяет два модуса речи – формальный (мы говорим о словах) и материальный (мы говорим о вещах и объектах). Именно материальный модус может порождать псевдопроблемы (и метафизические в том числе). И Карнап демонстрирует, как легко они «разрешаются» путем перевода в формальный модус чисто синтаксически [Карнап 1993].

Одной из догм логического позитивизма было деление наук на формальные (математические) и фактуальные. Фактуальные знания состоят из элементарных высказываний (атомизм), к которым могут быть сведены все теоретические положения (принцип редукции). Однако трудность состояла в отыскании этих базисных (элементарных) предложений и очищении науки от метафизических предложений. Решение этих двух проблем, казалось, было найдено в принципе верификации. Несмотря на все его модификации (Р.Карнапом, К.Поппером и другими логическими позитивистами), принцип верификации оказался слишком жестким критерием познаватель-

ного значения. Он отсекал от науки ее наиболее плодотворные части – научные законы и теоретические термины.

Главное, что объединяет рассмотренные концепции и конструкции, – это устранение из построенной мыслящего Я – субъекта неисчерпаемого в своих возможностях универсального языка. Но позже обнаруживается, что связь языка и реальности опосредована коммуникативной деятельностью носителей языка, поэтому попытки установить непосредственную связь языка с реальностью сменяются исследованием этой деятельности. В лингвистической философии это проявилось в активной разработке идей позднего Витгенштейна [см. Витгенштейн 1994]. В их основе – понимание значения языкового выражения как употребления. Мыслительная деятельность носителей языка и коммуникация между ними оказывается необходимым звеном, способным связать язык с реальностью.

Обращается Витгенштейн к языку с той же целью – построить методологический аппарат, позволяющий добиваться прояснения философских проблем, результатом чего должно быть их снятие. Однако новый метод не связан с использованием логических средств, так как процедура анализа языкового выражения меняет его смысл.

Если в «Трактате» язык определялся как совокупность предложений, то теперь Витгенштейн стремится, используя примеры различных «языковых игр», представить иной образ языка, сведя слова «от их метафизического употребления вновь к их первоначальному обыденному употреблению» [Витгенштейн 1994: §.109]. Отличительной чертой языковых игр является нерасторжимое единство языка, его употребления и определенной деятельности, причем образцы и нормы языкового поведения неотделимы от образцов и норм конкретного вида деятельности: «Это целое, состоящее из языка и действий, с которыми он связан, я буду называть также языковой игрой» [Витгенштейн 1994: §.7].

Идея языковой игры показывает, что язык сам есть часть определенной деятельности, форма социальной практики: «...язык мыслится не как "извне" противостоящий миру его логический двойник. Это – набор "форм жизни" или "жизненных игр"» [Козлова 1996]. Вместе они образуют каркас, определяющий значения слов. В различных языковых играх одни и те же слова имеют разные употребления, и это означает, что они фактически имеют разные значения. При этом важно, что совокупность возможных употреблений одного и того же слова не ограничена и не фиксирована. Рассматриваемые в изоляции слова и предложения обладают лишь скрытыми смыслами. Только будучи помещенными в опре-

деленный контекст, они приобретают действительный смысл.

Начиная с «Философских исследований» Витгенштейна происходит сдвиг от языка, от изучения его глубинных формальных структур в область межчеловеческой коммуникации, к речи и речевой деятельности (Д.Остин, Дж.Сёрл и др.), обращению к прагматике в логических исследованиях (С.Крипке, Я.Хинтиikka), одновременно с этим идёт известный «возврат» к человеческой субъективности (ментальности). Рассуждая о природе интенциональных состояний, Сёрл, для которого отправной точкой служит уже не слово и не предложение, а производство таких слов и предложений при совершении речевого акта [Пассмор 2002: 28], пишет, что «язык выводим из интенциональности, но не наоборот» [Серл 1987: 101]. Более того, существуют формы интенциональности, которые не выражаются в языке или не находят эксплицитного выражения в нём. Полная теория языка должна учитывать и то, какое значение имеет используемое им предложение, и то, что говорящий намеревается совершить, произнося это предложение.

Одним из первых к философскому осмыслению роли языка и слова, а также термина как идеального слова и процессе познания в русской философии обратился П.А.Флоренский. Прежде всего он рассматривает слово «как явление смысла», при этом «смысл слова определяется семемой слова». Семема представляется сложной и неоднородной: «слои же семемы, ее последовательные оболочки, ее концентрические скорлуповатости образуются особыми творческими актами», а «каждый слой семемы есть оседание на слове духовного процесса, оплотнение духа»; более того, и «наслоения семемы откладываются в слове не произвольно, но – в некотором, более чем только логически связанном порядке» [Флоренский 1991]. Слово предназначено, по мнению П.А.Флоренского, не только для хранения и передачи знания и мире, оно само является источником знания, средством познания и самопознания: «<...> просматривая слой семемы, я сам концентрирую творчески свое внимание, и мое внимание делается не моим, а общенародным, сверхличным, равно как и общенародное внимание, выделившее и отложившее слой семемы, усваиваясь мною чрез принятие в себя сего слова, само делается моим вниманием. В слове я выхожу из пределов своей ограниченности и соединяюсь с безмерно превосходящей мою собственную волею целого народа, и притом не в данный только исторический момент, но неизмеримо глубже и синтетичнее, – соединяюсь с исторически проявленной волею народа, собирательно запечатлевшей себя образованием та-

кой именно семемы данного слова» [там же]. Однако идеальное слово, как представляется в концепции П.А.Флоренского, представляет собой термин, поскольку он является «словом концентрированным, более высокого порядка синтетичности»: «Термин как слово слов, как слово спрессованное, как сгущенный самый существенный сок слова, есть такой конденсатор душевной жизни преимущественно. Все сказанное выше о семеме слова должно быть повторено с большим усилением о термине» [Флоренский 1989: 123]. Развивая мысль, что в слове человек выходит «из пределов своей ограниченности», П.А.Флоренский подчеркивает, что термин помогает направить антиномичность языка в созидательное русло и, более того, являет ту границу, которой самоопределяется и самоосознается мышление: «Термин первично есть хранитель границы культуры: он дает жизни расчлененность и строение... не допуская всеобщего смещения, тем самым стесняя жизнь, ее освобождает к дальнейшему творчеству» [там же]. Термин не дает жизни и энергии бесформенно растекаться в пространстве и тем самым способствует повышению качества деятельности, осуществляющей себя в более совершенных и сгущенных культурных формах. Являясь пределом данной области культуры, термин «... принадлежит к этой культуре... есть ее предельное значение... термин есть душа культурного участка земли со всем его содержимым и, как душа, не только облекает свое тело, будучи пределом его периферии, но и живет в самой сокровенной глубине его» [там же: 124].

По видимому, само понятие «идеальный термин» (а также формулировка требований к нему) и возможность вынесения термина за пределы языка (ср.: «особое слово») объясняется тем, что первенство упорядочения понятийного аппарата и терминологий принадлежит не лингвистам, а исследователям в разных областях науки, врачам и т.д. Так, попытки классификации терминов предпринимались анатомом А.Везалием, биологом К.Линнеем, инженером Д.С.Лотте и др. [Татаринов 1995]. Дальнейшее развитие концепции термина как идеального слова, принадлежащего языку науки, происходило в рамках сформированной на рубеже XIX–XX вв. новой отрасли лингвистики – терминоведения. Однако долгое время обособленность термина сферой его функционирования не позволяла в полной мере учитывать лингвистические закономерности образования, развития и функционирования термина. Внимание терминоведов было сосредоточено на вопросах стандартизации и упорядочения терминологии, нормативах создания новых терми-

нов и т.п. Термин при таком подходе определялся как особое слово, которое выражает научное понятие, является мотивированным, стилистически нейтральным и однозначным [Лотте 1961: 7-35].

Обращение к вопросам функционирования термина в дискурсе позволило выявить языковую природу термина и охарактеризовать его как языковой знак [Алексеева 1998а, 1998b; Винокур 1939; Володина 2000; Лейчик 2006]. Было доказано, что термину как языковому знаку также присущи асимметрия и изменчивость, отмеченные еще как Ф. де Соссюром, так и одним из его последователей, автором «принципа асимметричного дуализма» С.Карцевским, который дал парадоксальную по форме, но диалектичную по сущности формулировку этого принципа: «... природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно» [Карцевский 1965: 85]. Современная когнитивная интерпретация асимметричных отношений языковой знаковой системы предполагает постулирование общей универсальной коммуникативно мотивированной семантической базы, специфически интерпретируемой формальными средствами разных языков [Кашкин 2009].

Дальнейшие исследования динамической природы термина позволили выявить его двойст-

венную природу, изучить особенности полисемии, синонимии, вариативности термина [Алексеева 2003; Бекишева 2007; Володина 2000; Гуреева 2010; Мишланова, Пермякова 2007; Никитина 1987; Новодранова 2000; Петров 1982; Табанакова 2007; Татаринцов 1996; Хрусталева 2007; Филиппова 2008 и др.].

Множественность интерпретации термина и, как следствие, неопределенность его значения являются основным признаком не только терминов гуманитарных наук, но и всей современной парадигмы знания. В более широком контексте современная научная парадигма может быть охарактеризована как постнеклассическая [см: Мишланова, Пермякова 2007]. В работах Г.Будина, Р.Богранда, Г.Пихта речь идет о смене модернизма пост-модернизмом, в том числе в философии познания и терминоведении [Beaugrande 1997; Budin 2007; Picht 2009]. В своих рассуждениях исследователи опираются на модель развития науки В.Гейзенберга, демонстрирующей соотношение концептуального знания, специфика которого определяется особенностями познания в частнонаучной области (естественнонаучное/гуманитарное), и его вербальной и символической репрезентации в профессиональной коммуникации (см. схему 1 [цит. по: Picht 2009: 77]).

Схема 1.

Модель развития научного познания В.Гейзенберга

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Донаучные наблюдения явлений	ФОРМАЛЬНЫЕ НАУКИ Логика + математика		ФИЛОСОФИЯ				
	ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ						
	Относительно истинное знание			→	Менее истинное знание		
	Теория относительности	Теория Бора	Органическая жизнь	Человек сознание	+	Душа	
Классическая физика, механика	Элементарный магнетизм	Химия	Биология, медицина, психология	Общественные науки	Религия	Эсхатология	

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Языки для специальных целей и другие профессиональные семиотические системы

Приведенная схема, с одной стороны, отражает логику развития теории познания (от эмпирического и конкретного – к теоретическому и абстрактному, от простой формы материи (физической) к сложной (социальной), невозможность

однозначного определения термина (вследствие множества интерпретаций), а с другой стороны – общую тенденцию современной научной парадигмы (неслучайно условность границы между естественными и гуманитарными науками на

схеме обозначена пунктирной линией) к неопределенности [Picht 2009]. Следует подчеркнуть, что концептуальная неопределенность как следствие развития теории познания и антропоцентрической ориентации терминоведения усиливается неопределенностью профессиональной коммуникации, допускающей избирательность и вариативность вербальной и невербальной (символьной) репрезентации.

Таким образом, развитие теории познания проявляется в усилении интерпретативной модели науки и, соответственно, в проявлении большей неопределенности и способах вербализации научного знания, в том числе феномене вариативности термина. При этом очевидно, что в основе вариативности термина и терминосистем лежит асимметрия термина как языкового знака. Проблема асимметрии термина в рамках когнитивно-дискурсивного подхода соотносится с пониманием идеального термина как концепта (специального знания), ментальной репрезентацией которого является когнитивная модель дефиниции, проецирующая многообразие способов ее вербальной репрезентации и, соответственно, семантизации термина.

Поскольку «объекты научного исследования не существуют в реальном мире, а конструируются специально для целей исследования» как ментальные модели, то термины также представляют собой «не столько объекты описания, сколько модели действительности, созданные специально для изучения» [Алексеева 2003: 27]. Иными словами, в рамках современного терминоведения проблема идеального языка познания и, соответственно, идеального языкового знака сводится к рассмотрению концептуализации и конструирования ментальных моделей термина. Однако такой исследовательский ракурс предполагает широкие обобщения и, как следствие, вновь обращение терминоведения к философии [Alexeeva 2009].

Список литературы

Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования. Пермь: Изд-во ПГУ, 1998а. 120 с.
Алексеева Л.М. Термин и метафора: семантическое обоснование метафоризации. Пермь: Изд-во ПГУ, 1998b. 250 с.
Алексеева Л.М. Терминоведение и философия // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во ПГУ, 2003. С. 16-31.
Бекишева Е.В. Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем. Самара: ООО «ИПК Содружество»; ГОУ ВПО «СамГМУ», 2007. 250 с.

Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук / пер. с англ. Н.А.Федорова // Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1977. Т.1. С. 81-522.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ: сб. ст. по языкознанию. М., 1939. Т.5. С.3-54

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. В.Добронравова, Д.Лахути. М.: Иностранная литература, 1958. 133 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. М.С.Козловой // Витгенштейн Л. Избранные философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч.1. С. 80-130.

Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М.: Изд-во МГУ, 2000. 128 с.

Гуреева А.М. Вариативные модели терминологии Международного Бакалавриата (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 20 с.

Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском осмыслении. Киев: Наукова думка, 1984. 302 с.

Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. М.: Изд-во РУДН, 2003. 237 с.

Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / пер. с нем. А.В.Козина // Вестник МГУ. Сер.7: Философия. № 6. 1993. С.11-26.

Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1965. Ч. II. С.85-90.

Кашкин В.Б. Асимметричность знака и межъязыковые различия // Теоретические проблемы современного языкознания. Воронеж, 2009. С.32-37.

Козлова М.С. Размышление о феноменах сознания в работах позднего Л.Витгенштейна // Проблема сознания в современной западной философии. М.: Наука, 1989. С.190-212.

Козлова М.С. Идея «языковых игр» // Философские идеи Людвига Витгенштейна. М.: ИФ РАН, 1996. С.5-24. URL: http://www.philosophy.ru/iphras/library/kozl2_1.html#5 (дата обращения 28.07.2010).

Кюнз Г. Онтология и логический анализ языка / пер. А.Л.Никифорова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 237 с.

Левицкий Ю.А. Проблема языка науки // Левицкий Ю.А. Проблемы лингвистики текста. Пермь, 2002. С.13-27.

Лейбниц Г.-В. Новые опыты о человеческом разуме / пер. с нем. П.С.Юшкевича. М.; Л.: Соц-экгиз, 1936. 483 с.

- Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006. 256 с.
- Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 127 с.
- Мишланова С.Л., Пермякова Т.М. Современная концептосфера: направления и перспективы // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во ПГУ, 2007. URL: <http://www.psu.ru/?m=047&a=6>. Дата обращения 26.07.09.
- Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. М.: Наука, 1987. 143 с.
- Новодранова В.Ф. Когнитивные науки и терминология // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. М.: ИЯ РАН, 2000. С.89-93.
- Пассмор Дж. Современные философы / пер. с англ. Л.Б.Маковой. М.: Идея-Пресс, 2002. 190 с.
- Петров В.В. Семантика научных терминов. Новосибирск: Наука, 1982. 128 с.
- Сёрл Дж. Природа интенциональных состояний / пер. с англ. И.М.Кобозевой // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С.96-126.
- Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М.: Наука, 1985. 335 с.
- Табанакова В.Д. Концепт «термин» прошлое, настоящее ... и будущее // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения. Екатеринбург, 2007. С.62-66.
- Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: в 3 т. М.: Московский Лицей, 1995. Т.2. Кн. 1. 334 с.
- Татаринов В.А. Теория терминоведения: в 3 т. М.: Московский Лицей, 1996. Т. 1. 311 с.
- Филиппова А.А. Внутриотраслевая полисемия в русском и немецком методическом дискурсе (на материале концепта цель): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 23 с.
- Флоренский П.А. Термин // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С.121-133.
- Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1991. URL: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_boge2/stolp_i_utverzhdnie_istiny-all.shtml. Дата обращения 27.07.2010.
- Фреге Г. Мысль: логическое исследование / пер. с нем. Б.В.Бирюкова // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С.18-47.
- Хрусталева М.А. Синонимия в методическом дискурсе: когнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 22 с.
- Шлик М. Поворот в философии / пер. с англ. А.Яковлева // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С.28-32.
- Alexeeva L. Interaction of Terminology and Philosophy // Категоризация и концептуализация в языках для специальных целей и профессиональном дискурсе. М., Рязань, 2009. Вып. 6. С.40-46.
- Beaugrande R. de. New Foundation for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society. Norwood: Ablex, 1997.
- Budin G. Epistemological aspects if indeterminacy in postmodernist science // Indeterminacy in Terminology and LSP. Amsterdam; Philadelphia: J.Benjamins Publishing Company, 2007. P.61-71.
- Picht H. Indeterminacy, Fachkommunikation und die Wissenschaften // Категоризация и концептуализация в языках для специальных целей и профессиональном дискурсе. М., Рязань, 2009. Вып.6. С.72-79.

PROBLEMS OF PLANNING OF LANGUAGE AS AN IDEAL MEANS OF COGNITION

Natalia I. Beresneva
Professor of Philosophy Department
Perm State University

Svetlana L. Mishlanova
Professor of Linguadidactics Department
Perm State University

The article deals with the problem of creation of artificial semiotic systems, i.e. universal languages for scientific cognition of the world. The evolution of philosophic and linguistic aspects of the term theory concerning the linguistic nature and functional term peculiarities are regarded. The most important tasks of modern terminology prove to be solved in the paradigm of postmodernism on the basis of such notions as indeterminacy, complexity and creativity.

Key words: language; consciousness; scientific knowledge; universal language; the language of science; term.